

Автономная некоммерческая организация
**Институт русско-славянских исследований
имени Николая Яковлевича Данилевского**

Статьи ИРСИ/Аналитика ТГ-канала "Россия – не Европа" Экспертный клуб Николая Данилевского Конференции ▾ Труды ИРСИ ▾ Современны
СМИ о нас Издания ИРСИ им. Данилевского ▾ Русская мысль Новейшей истории России ▾ Дело соборное Все материалы Интернет-ма
созидатель" Открытые обращения ИРСИ Данилевского Контакты

Главная > Доклады конференций >

Доклады конференций

Мазари-Буфарес М. В.

Инспекторская поездка Н. Я. Данилевского в Архангельскую губернию и её итоги

🗨 0

Мазари-Буфарес М.В.

научный сотрудник Института русско-славянских исследований
имени Н.Я. Данилевского
(г. Москва, Россия)

Инспекторская поездка Н.Я. Данилевского в Архангельскую губернию и её итоги

В статье рассказывается о деятельности Н.Я. Данилевского в качестве государственного чиновника Министерства государственных имуществ, его командировке в 1869 г. в Архангельскую губернию для изучения возможностей экономического развития края и лучшего обеспечения продовольствием населения.

Mazari-Boufares M.V.

Inspection trip of N.Ya. Danilevsky in the government of Archangel province and its results

The article describes the activities of N.Ya. Danilevsky as a government official of the Ministry of state property, his business in 1869 in Arkhangelsk province to explore opportunities for economic development of the region and better food of the population.

Н.Я. Данилевский получил мировую известность как философ, геополитик, автор фундаментального научного труда "Россия и Европа". Менее известна его практическая деятельность. Н.Я. Данилевский принимал участие во многих экспедициях по изучению рыбоводства, рыбных ресурсов, различных морских промыслов, в борьбе с филлоксерой в Крыму. Кроме всего этого немаловажной была его деятельность как государственного чиновника. Н.Я. Данилевский в чине действительного статского советника служил сначала в Министерстве внутренних дел, затем инспектором сельского хозяйства и рыболовства в Министерстве государственных имуществ. В 1869 году Н.Я. Данилевский был командирован Министерством в Архангельскую губернию для изучения возможностей экономического развития края и лучшего обеспечения продовольствием населения.

Архангельская губерния была, по словам самого Н.Я. Данилевского, одной из беднейших в России. Это не означало, что население постоянно нищенствовало, но при имеющихся в наличии природных ресурсах оно не имело практической возможности ни иметь достойный заработок благодаря традиционным промыслам, ни обеспечить себя в достатке своим хлебом. Архангельская губерния – обширный лесной край, в котором природные богатства, как пишет Данилевский, "разлиты весьма тонким слоем по его поверхности, и для безбедного существования населения надо собирать их с большого пространства, а для этого надо представить населению, по возможности, полную свободу пользования естественными средствами края" [2].

Именно этой свободы пользования не было у населения губернии, которое не превышало на тот период 250 тыс. душ и практически не прирастало в течение прошедших 700 лет. Селения были сосредоточены в основном вдоль русла сплавных рек. Вокруг стояли нетронутые леса. Нетронутые не из-за отсутствия всякой цивилизации, а оттого, что законы, изданные Петром I ещё в 1703 году во время становления русского флота, ограничивали вырубку до самых минимальных размеров.

Дело Петра I по созданию системы государственного управления лесами достойно завершил его внук Павел I. 10 сентября 1798 года вышел указ “О непозволении рубить корабельные леса в казённых дачах и о пресечении отпуска всякого леса за границу” [3]. Правила ещё более ужесточили: в течение 1799 – 1800 гг. бесплатный отпуск леса, в том числе и на военные нужды осуществлялся только с разрешения императора, а отпуск не на государственные нужды – исключительно за плату.

Отпуск леса за границу снизился до самых минимальных размеров, были введены особые пошлины на экспорт смолы и пека. Вот что говорил Указ от 10 сентября 1798 года: *“Видя крайнее уменьшение лесов, нужных для кораблестроения, от небрежного смотра, и от разных в чужеземные места выпусков происшедшее, повелеваем: 1) во всех казённых дачах^[1], нужные, к кораблей и судов строению, леса, как-то: дуб, лиственницу, клён, ильм, ясень, чинар, граб и бук, ни под каким видом и ни на какое гражданское строение отнюдь вырубки чинить не дозволять; на обывательские же постройки и другие надобности употреблять ель, ольху, осину и прочие к судовому строению ненужные леса; но и то с крайним рассмотрением; 2) из всех портов и прибрежных мест Империи нашей, всякого рода лесам отпуска в чужеземные места пресечь, и без особенного от нас Указа ни единого дерева не выпускать, кроме положенного Указом числа досок, по пропорции отпускаемого железа»* [3].

Корабли и пароходы давно уже не делали из строевого леса, но законы оказался живучи. И хотя многие ограничения на вывоз товаров были сняты в 1801 году, на третий день после восшествия на престол Александра I, но на ситуацию в целом это почти не повлияло. Леса принадлежали казне, но, как свидетельствует инспектор лесов и сельского хозяйства Данилевский, “единственным же настоящим владельцем этого леса остаются разрушительные силы природы: бури, пожары и тление, так как только они одни имеют возможность потреблять этот лес”. Леса же горели часто. Лето в тех местах сухое, небольшие лесные речушки довольно быстро пересыхают. Как говорили местные жители, их “выпивает море”. И тогда достаточно было одной искры, чтобы разгорелся лесной пожар и потребил в гораздо больших размерах то, что могло пойти на нужды такого немногочисленного населения, для которого лес был одним из немногочисленных источников заработка.

Отчасти из-за запретов вырубки в Архангельской губернии, своего хлеба в губернии не хватало. Зачастую крестьянам приходилось мешать муку наполовину с корой, а то и вовсе печь хлеб из одной коры с небольшой добавкой злаков. Крестьянские наделы не позволяли получать такой же урожай, как на чернозёмах, да и климат не способствовал земледелию. Произрастали там только рожь и ячмень, да и те регулярно побивались морозами. И вроде бы закон об увеличении земельных наделов в Архангельской губернии до 15 десятин был давным-давно принят, но задержка исполнения его составляла уже 64 года – землемеров катастрофически не хватало, а без разграничения местные власти не могли оформить земли законным образом. К тому же Параграфом 31 обер-форстмейстерской инструкции 1798 г. запрещена была расчистка лесов без специального на то дозволения. Надо сказать, что, хотя при общей бедности губернии население её не бедствовало благодаря наличию дешёвой солёной рыбы, дичи, ягод, грибов и молочных продуктов (скотоводство было довольно хорошо развито в губернии), но несколько неурожайных лет в совокупности с большими ценами на привозной хлеб могли довести даже зажиточного крестьянина до совершенной нищеты. В урожайные годы приходилось завозить в губернию около 1 000 000 пудов, а в неурожайные почти в 2 раза больше. Привозной хлеб был дорог, но иначе и быть не могло – доставка его была делом нелёгким и не быстрым. Чтобы понять, насколько тяжёлым было передвижение по северным губерниям, достаточно изучить свидетельства путников. Вот что пишет, например, современник Н.Я. Данилевского, лесник, о дороге паломников на Соловки от Повенца: *“9 вёрст пешком до истока реки Повенчатки, 18 вёрст лодкой по “Узким озёрам”, 5 вёрст пешком через Моссельский горный хребет, 10 вёрст лодкой по озеру Маткозеро, 40 вёрст по реке Телекинской и 30 озером Выгозером на лодке до села Койкинец, затем 30 вёрст сухим путём до деревни Воронжи, а далее лодкой озером Сумозером и рекою Сумою около 50 вёрст до Сумского посада”* [4], далее – морем.

Как сказано выше, леса практически не эксплуатировались, хотя могли стать большим подспорьем в нехитром крестьянском хозяйстве. Население губернии издревле занималось смолокурением, но ограничивающие вырубку и подсочку деревьев законы не давали развиваться промыслу. Это наносило вред не только экономике края, но и стране в целом. Удивительно, но факт: смолу импортировали в порт Архангельска из Франции, хотя гораздо выгоднее было бы производить её на месте. И даже вроде бы существовал указ времён Александра I от 19 февраля 1804 года, позволяющий производить подсочку и вырубку низкосучных и малорослых деревьев для нужд населения и смолокурения, но Лесное Управление не могло свикнуться со свободной подсочкой и вырубкой подсоченных деревьев продолжало её запрещать. К 1830 году мнение это получило перевес в центральном управлении и смолокурение резко пошло на убыль. В 1835 году поступило распоряжение выделить лучшие сосновые дачи, а остальной лес разделить на участки и отдавать по одному в год на смолокурение. Как и следовало ожидать от неповоротливого административного аппарата, раздел леса на участки шёл из рук вон плохо, и промысел почти исчез в губернии, и пока чиновники занимались переписками, пересчётами и обмерами, население всё беднело и беднело.

Но мог ли быть другой результат правления в стране, живущей по чуждым нашему культурно-историческому типу законам? Кто знает, может быть, путешествуя по Северному краю и видя все несуразности управления, Н.Я. Данилевский пришёл к выводу, высказанному в его книге “Россия и Европа”: *“...были пересажены к нам разные немецкие бюрократические порядки, городское устройство и т.д. Чтобы разобрать все эти пересадки и всё вредное влияние их на русскую жизнь, надо было исписать*

цельный том, к чему я не чувствую ни малейшего в себе призвания, – да нет и большой надобности в подобном труде, так как опыт достаточно показал, что они у нас не принимаются, засыхают на корню и беспрестанно требуют нового подвоза [1, с. 235]. Такой перенос чужеземных учреждений на русскую почву Н.Я. Данилевский обозначил как одну из форм европейничанья, болезни, “которая препятствует осуществлению великих судеб русского народа” [1, с. 253].

Но, поскольку, даже имея такое управление, вопрос нужно было решать, Н.Я. Данилевский подошёл к решению проблемы, как теперь говорят, комплексно. Изучив досконально ситуацию в губернии, он выяснил, упала ли вообще промышленность в Архангельской губернии или только отдельные её отрасли. Учёный выяснил, что, например, добыча морского зверя постоянно растёт, торговля с Норвегией развивается, в рыболовном деле нет упадка. Таким образом программа по исправлению бедственного положения в губернии сводилась к трём основным пунктам: “1) надо доставить населению возможность добывать большее количество хлеба, в тех, по крайней мере, частях губернии, где по климатическим условиям это возможно, т. е. надо увеличить крестьянские запашки. Так как, всё-таки, нельзя надеяться, чтобы и при таком увеличении хватило собственного хлеба, не говоря уже в неурожайные, а и в урожайные годы, то 2) надо дать жителям средства прикупать необходимое для их продовольствия количество хлеба, т. е. развить по возможности те промыслы, которые подлежат развитию. Так как, далее, прикупка хлеба, которую должны делать жители Архангельской губернии, бывает весьма значительна, да и другие неотлагательные нужды могут быть удовлетворяемы не иначе, как доходами с этих же промыслов, то 3) необходимо удешевить привозимый в Архангельскую губернию хлеб, т. е. провести такие пути сообщения, которыми хлеб мог бы, в случае нужды, своевременно и дёшево доставляться к Архангельску, и притом из такой местности, где он дёшев” [2].

В первую очередь, пишет Н.Я. Данилевский, нужно позволить населению беспрепятственно пользоваться лесными ресурсами: так как “Весьма трудно предположить, не прибегая к бессмысленной и бесцельной страсти к истреблению леса, чтобы человек мог вырубить с каким-либо разумным основанием и две десятины в год, то должно прийти к заключению, что уменьшение леса невозможно и надолго ещё останется невозможным, без всяких особых охранительных мер, даже и в самом населённом уезде...” [2].

Н.Я. Данилевский считал, что нужно позволить крестьянам расчищать необходимые площади под пашни, чтобы в большей мере обеспечить себя собственным хлебом. Кроме того, нужно было дать возможность населению расселяться по территории губернии, продвигать культуру в глубь лесов, оказывая при этом такую же государственную поддержку, которая оказывалась переселенцам на новые территории. Для решения вопроса дороговизны привозимого хлеба и вывоза ресурсов необходимо было в кратчайшие сроки начать строить железную дорогу, соединяющую северные губернии с центром страны.

Поскольку в губернии были традиционно развиты различные промыслы, Н.Я. Данилевский предложил не чинить препятствий их развитию. Главный же промысел, который должно развивать в губернии – это смолокурение, поскольку им в различной степени занималась большая часть населения губернии. Он считал нецелесообразным выделение крестьянам на смолокурение определённого квадрата лесной дачи, вынуждающее их использовать лес с максимальной отдачей, вырубая его “дотла”. Учёный предлагал разрешить свободный выбор нужных деревьев для смолокурения, что способствовало бы очистке лесов. Крестьяне, занимающиеся смолокурением, были обложены множеством налогов: за саму смолу, за бочку, за дрова, за плот, на котором смола сплавляется. Это было одной из причин её неконкурентоспособности на внешнем рынке. Желательно, писал Н.Я. Данилевский, оставить единый налог на бочку уже готового продукта и избавить таким образом население от лишних бюрократических тягот, понизить налог на смолу, выкуренную из корней и сухоподстойного леса, что способствовало бы очистке лесов, а также привести пошлину на ямную и печную смолу^[2] к одному уровню, с одной стороны, чтобы облегчить участь самой бедной части населения, не имеющей средств на постройку печей, а с другой – увеличить сбыт ямной смолы, более качественной и более востребованной за границей. Для охранения строевых лесов от подсочки, по мнению Н.Я. Данилевского, нужно было выделить их в отдельные дачи, на остальном же пространстве дать возможность крестьянам свободно подсачивать лес.

Отпуск леса, нужно было обязательно увеличить, для этого Данилевский советовал устроить лесопильные заводы, в том числе на реке Мезени, уменьшить налог на ель, как менее востребованную древесину, разрешить вырубку строевого леса в полосах, окаймляющих русла рек за более высокую пошлину, отменить таможенный контроль на лесопильных заводах, отменить одногодичные контракты на заготовку лесов, не дающие возможность промышленникам разумнее организовать производство. Предлагалось также смягчить существующие наказания за своевольную вырубку.

Итак, Н.Я. Данилевский выделил четыре необходимых меры для улучшения благосостояния края:

- увеличение пространства крестьянских полей расширением и облегчением возможности делать подсеки,
- развитие смолокурения,
- усиление отпуска строевого леса за границу в виде досок
- проведение Вятско-Двинской железной дороги.

Остальные меры можно считать дополнительными к этим четырём. В частности, Н.Я. Данилевский советовал наладить в губернии собственное производство канифоли и скипидара и незамедлительно начать с этой целью изучение свойств местной сосны и лиственницы. Скипидар везли из Европы и стоил он недёшево, так, в 1965 г. за пуд платили 5 руб. [5]

Отчёт Данилевского подвергся критике сразу после его появления. Так, в октябре 1869 года в журнале "Земледелие и лесоводство" была опубликована статья вице-инспектора корпуса лесничих Д.Д. Шилова. Соглашаясь по многим пунктам с предложениями Н.Я. Данилевского, он считал совершенно недопустимым свободную эксплуатацию лесов. Он писал, что нельзя считать необъятные лесные пространства неисчерпаемым морем, что крестьяне будут рубить лес исключительно в непосредственной близости от места проживания, обязательно уничтожая и истощая его при этом, и что только крайняя нужда заставит крестьянина выйти из этого района, совершенно упуская из вида одобренное им же самим (см. ниже) предложение учёного о свободном передвижении населения и расселении в глубь лесов. Свободную подсочку леса он считал невозможной в принципе из-за невозможности организовать контроль над ней лесного ведомства. Не соглашался г. Шилов и с даровым отпуском леса при организации новых производств, как, например, рудные промыслы. Объяснял г. Шилов своё мнение тем, что это будет большой потерей для казны, что бремя налогов в таком случае ляжет неравномерно на население и привилегию в данном случае будет иметь заводчик, "а не рабочий, который больше того, сколько ему нужно, чтобы не умереть с голоду, ни в каком случае не получит". Он указывает Данилевскому на то, что тот в своём же отчёте писал о несоразмерности лежащих на крестьянах повинностях. Но даже такой рьяный защитник исполнения указов и законов о сохранении лесов, ставший впоследствии одним из ведущих специалистов в области лесного законодательства, не отрицал, что в докладе Н.Я. Данилевского присутствуют дельные предложения. "Во всяком случае, – пишет Д. Шилов, – предположения г. Данилевского не так опасны для лесов Архангельской губернии, как можно было подумать, отправляясь от его общего взгляда на эти леса" [6]. Так, например, он согласился с предложением Данилевского "дать право делать расчистки под пашни, с предоставлением расчищенных мест на продолжительный срок": "Производство расчисток требует приложения большого труда, и потому, очевидно, расчистки будут производиться в размере необходимости и, при малочисленности губернии, не могут иметь никакого значения для лесов Архангельской губернии; а между тем увеличение запасов и заложение поселков внутри лесов должны иметь несомненное влияние на увеличение благосостояния населения и оживления тех местностей, где нетронутые запасы естественных богатств ждут эксплуатации" [6]. Он одобрил также предложения неизменности пошлин на смолу в течение более продолжительных сроков (10 лет), об уменьшении взыскания за вырубку в неуказанном месте (которое на тот момент состояло в конфискации заготовленного леса, о взыскании его таксовой стоимости и потери права на заготовку), о разрешении вырубки по берегам рек с повышением пошлин на неё, взыскании за фаутовые^[3] деревья известного процента с суммы, на которую производится заготовка, вместо освидетельствования каждого дерева, заключении долговременных контрактов на вырубку, без предоставления монополии. Для всех же предположений, касающихся такс, требуется, писал он, дополнительное изучение вопроса.

Отчёт, составленный Н.Я. Данилевским, был передан в специально составленную комиссию, которая состояла из директоров департаментов лесного, сельскохозяйственного, хозяйственного Министерства Государственных имуществ; Центрального статистического комитета; вице-директора таможенных сборов и самого автора – инспектора сельского хозяйства и рыболовства.

Комиссия приняла во внимание тот факт, что в губернии ощущается катастрофическая нехватка пахотных земель, неурожаи регулярно повторяются вследствие неблагоприятного для земледелия климата, а привозной хлеб дорог. Решено было содействовать строительству Вятско-Двинской железной дороги как первейшему способу обеспечения Архангельцев дешёвым продовольствием и необходимым средством развития края.

Озаботилась комиссия и свободным расселением крестьян на территории губернии, она считала возможным дать возможность крестьянам расчищать беспошлинно участки под пашни и пастбища там, где они пожелают, и пользоваться на потомственном праве расчищенным участком в течение 40 лет. Далее, Комиссия признала необходимым не только дать крестьянам право переселяться на расчищенные или приисканные ими участки, но и поощрить их к подобным переселениям некоторыми из тех льгот, которые вообще даруются переселенцам, по правилам, которые предположены в представлении Министра Внутренних Дел, внесённом в Комитет Министров в апреле 1869 года, а именно: в течение первых трёх лет, упомянутые переселенцы вообще освобождаются от всяких взносов (от платежа подушной подати, государственных земских сборов и оборочной подати за занятые ими земли), а по прошествии этого срока, в течение последующих трёх лет, производят уплату этих сборов в половинном размере. Исходя из этих соображений, решено было повременить с исполнением ст. 8 пункта Г. Высочайшего указа о поземельном устройстве государственных крестьян, данного Правительствующему Сенату в 24-й день ноября 1866 г., который предполагал наделить крестьян определёнными участками и наделить их владенными записями^[4].

Комиссия обратила особое внимание на предложение действительного статского советника Данилевского относительно развития смолокурения. Она считала возможным принять предложение учёного о свободной подсочке деревьев, кроме тех пространств или урочищ^[5], которые представляют особую ценность, или которым приписывается, по их положению или высокому качеству растущего

леса, особое значение. Согласилась комиссия и с предложением уменьшить пошлины на смолу, оставляя их неизменными на 10 лет, уравнивая пошлины на ямную и печную смолу и оставить единую пошлину, взимаемую с пуда готового продукта.

Прислушались к мнению Н.Я. Данилевского и по отпуску леса за границу, многие из его предложений были приняты во внимание. Так, Комиссия нашла возможным допустить заключение условий заготовления распилочного леса, отправляемого за границу из Архангельского порта, не более чем на годичный срок, с тем, чтобы в течение этого срока цена распилочного леса и условия заготовки оставались бы неизменными. Было принято решение допустить определение количества фаутов определённым процентом, что избавило бы освидетельствовать каждое фаутовое дерево на месте вырубки. Комиссия посчитала также достаточным взыскивать за порубленный за границами указанного урочища лес добавочную плату в размере, который должен быть определён условиями продажи, причём, разумеется, правило это не должно распространяться на те случаи, когда лес вырублен в другой даче или в случае включения особых условий при долгосрочных операциях. Отменялся также таможенный надзор на лесопильных заводах. Положительную оценку получило предложение об организации лесопильных производств, в частности на реке Мезени. Комиссия обратила внимание на то, что из всех лесных пород губернии только одна сосна идёт в значительном количестве за границу, между тем как ель, растущая в губернии в таком изобилии, вовсе не служит предметом отпуска. Одна из главных причин этого заключается в том, что цена, по которой ель отпускается казною лесопромышленникам, слишком высока, как это было доказано не раз при отпуске еловых досок. Вследствие этого Комиссия посчитала полезным обратить внимание Министерства Государственных Имуществ на выгоды, которые могли произойти для края от уменьшения продажной цены еловых деревьев, причём можно было ожидать в таком случае не уменьшения, а увеличения государственных доходов.

Особое внимание было уделено политической ситуации на Мурманском берегу. Дело в том, что в Финмаркене, самом северном округе Норвегии, на должность российского консула назначали почему-то не подданных Российской империи, а норвежцев. Комиссия разделила мнение Н.Я. Данилевского о необходимости иметь в Финмаркене консула или вице-консула из русских, так как российские консулы, назначаемые из норвежских купцов, не имеют ни малейшей солидарности с интересами русских промышленников в Норвегии, и, напротив того, во всех спорах и столкновениях русских с норвежцами, в силу своих интересов, должны были быть на стороне последних. Второе обстоятельство, на которое Комиссия обратила своё внимание, это то, что норвежцы и русские в настоящее время поставлены в неодинаковые условия относительно рыболовства в русском и норвежском Поморье, так как русским в Норвегии запрещено ловить рыбу ближе, чем в десятивёрстном от берега расстоянии, а для норвежцев подобного ограничения на Мурманском берегу не существует. Поэтому Комиссия посчитала необходимым запретить норвежцам рыболовство вдоль северных Русских берегов ближе, чем в десятивёрстном расстоянии. Далее, комиссия посчитала необходимым немедленно прекратить дальнейшую Норвежскую колонизацию^[6] на Мурманском берегу, так как колонизация эта приносит России весьма сомнительную пользу. Дальнейшие меры, направленные к обеспечению благосостояния поморов, по мнению Комиссии, вполне согласному с предложениями действительного статского советника Данилевского, заключались также: 1) в беспопышном отпуске леса на исправление Мурманских становищ, причём от лесного ведомства, разумеется, могут быть приняты меры, для того чтобы, под видом поправки становищ, беспопышный лес не был обращён в заграничный отпуск; 2) в запрещении продажи на Мурманском берегу крепких напитков; 3) в составлении популярной инструкции для пользования от цинги, как преобладающей между поморами на Мурманском берегу болезни, и возложении на судовладельцев обязанности брать с собою запас предписываемых этой инструкцией лекарств; 4) в постановлении, чтобы избираемые для надзора за промыслами на становищах старосты не вмешивались в дела промышленников относительно гигиенических условий лова, так как подобное вмешательство служило бы только к стеснению промышленников, без достижения какой бы то ни было полезной цели. Комиссия одобрила открытие поморской ссудной кассы в Кеми с основным капиталом от Правительства в 30 000 р., при условии их согласия на введение взаимного страхования их судов, 5) в снятии различных пошлин с приходящих в Архангельский порт русских судов.

Надо сказать, что Данилевский, хотя и предлагал некоторые меры для облегчения жизни поморов, но находил их положение в губернии вполне удовлетворительным. Но, судя по выходящим законам и решениям правительства, в то время Государство Российское вело по отношению к малым народам и к некоторым русским общинам покровительственную политику. И в данном случае поморам были предоставлены права, которые давали им определённые преимущества по сравнению с остальной частью населения губернии. Так, например, кроме выше изложенных уже мер, предлагалось запретить разведение оленей кому-либо кроме северных народов.

Были сделаны и другие предложения, касающиеся уменьшения оброчной подати, рыболовства, звериных промыслов, солеварения и пр.

К сожалению, комиссия проигнорировала предложение Н.Я. Данилевского о создании производства скипидара и канифоли. Такое безразличие обернулось тем, что к концу XIX в. производство канифоли в России едва покрывало 4% потребности в ней. Только после предложения Д. Менделеева заняться изучением этого вопроса в 1892 году дело сдвинулось с мёртвой точки. Но настоящее развитие отрасль получила только в 20-х годах XX столетия.

По представлению комиссии многие статьи Лесного устава были отменены либо заменены. 13 мая 1869 года были отменены все действовавшие до того статьи лесного устава. Эта отмена открыла возможность для каждой губернии и для каждого отдельного случая продажи составлять такие условия, которые по местным и временным обстоятельствам оказываются наиболее выгодными как для казны, так и для покупателя. В том числе отменена для Архангельской губернии норма отпуска леса для заграничного торга. В журнале Министерства Государственных Имуществ "Сельское хозяйство и лесоводство" уже в апреле 1869 года писали, что "значительная часть мер, указанных г. Данилевским частью уже приведена, частью приводится в исполнение". Например, на реке Мезени было организовано новое лесопильное производство, составлены новые таксы, в том числе и единая такса на смолокурение, которая налагалась на готовый продукт, отменен таможенный досмотр на лесопильных заводах и т.д. В результате принятия этих законов отпуск леса в Архангельской губернии увеличился на 72 процента. К сожалению, эти нововведения через несколько лет уже подверглись критике и изменениям. Так, в "Историческом обозрении пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных имуществ" (1837 – 1887, ч. III) указывается, что "пятнадцатилетнее действие закона 1869 года уяснило, что требование – определять сметой количество отпуска по существующему спросу – приводит к затруднениям" [10]. И уже 12 марта 1885 года закон был изменён в сторону ужесточения. В ст. 221 лесного устава говорилось: "сметами предназначается к отпуску то количество лесных материалов, которое может быть отпущено без истощения дачи". Что касается такс, то и об этом пишется, что "инструкция 1869 года не устранила возможности подрыва сбыта из одной дачи таксовыми ценами другой". В 1883 г. Министерством была выпущена новая инструкция по составлению такс.

Законом 1869 года леса крестьянского надела освобождались от надзора лесной администрации. Но поскольку вопрос бедности в губернии полумерами правительства решён не был, крестьяне, после вырубки леса под пашни, не сжигали его для удобрения полей, а старались его продать. Поэтому вскоре последовал закон о запрещении крестьянам продавать вырубленный лес.

Как говорилось выше, важнейшим условием для развития губернии и для благосостояния её жителей было строительство Вятско-Двинской железной дороги. 9 января 1868 года у архангельского губернатора состоялось собрание, на котором было вынесено определение о создании общества, обязанного построить эту дорогу в течение 3 лет со дня выдачи концессии (Вологодские губернские ведомости, 1868, № 8). Дебаты о строительстве железной дороги продолжались до начала 90-х годов XIX века. К этому времени отпуск товаров архангельского порта упал до ничтожных размеров. Наконец в 1894 году правительством было принято решение о строительстве дороги, в 1895 году оно началось. И только в 1899 г. Пермь-Котласская линия была введена в эксплуатацию [11].

Н.Я. Данилевский предложил комплексную программу, которая, скорее всего, была бы действенной, если была выполнена во всем её комплексе. Ряд предложений учёного был принят, некоторые проигнорированы. Правительственный аппарат был неповоротлив и оторван от реальных проблем и чаяний народа. Иван Солоневич дал российской бюрократии такую характеристику: *"Русская дореволюционная бюрократия была создана императором Николаем I в качестве опорной точки для освобождения крестьян: не было никакой физической возможности реализовать освобождение крестьян, опираясь исключительно на дворянский государственный аппарат. Созданный для данной цели, этот аппарат пережил свою цель и в дореволюционной России лежал тяжким бременем на всех видах народного творчества и народного труда... Начальственно-бюрократическая система в страшной степени тормозила всякое проявление национальной инициативы. И если Россия показывала невиданный экономический рост, то это происходило не благодаря бюрократии, а несмотря на бюрократию"* [12, с. 58, 59]. Государство управлялось, по словам того же Николая I, столоначальниками, которые думали скорее о своей собственной выгоде, чем о народном и государственном благе. Уставы и распоряжения доходили до окраин порой спустя годы после их утверждения. И, судя по результатам и следуя известной поговорке, можно сказать, что гора родила мышшь.

Клубок проблем Архангельской губернии в целом так и не был распутан. В 1881 году в губернию был снова командирован инспектор Министерства, на этот раз – статс-секретарь Островский, создана новая комиссия и приняты очередные решения.

Как живёт Архангельский край в наше время, это уже предмет для другого доклада. Лес, который в царские времена чрезвычайно оберегали, но который претерпел гигантские лесоповалы XX века, все ещё растёт на том же месте. Этот факт, в некотором смысле, и в наши дни подтверждает выводы Н.Я. Данилевского по итогам инспекции в Архангельской губернии.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995.
2. Данилевский Н.Я. О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем севере России // Правительственный вестник. – 1869.
3. Столетие учреждения Лесного Департамента. 1798-1898. – СПб.: Типо-Литография Ю.Я. Римана, 1898. – 252 с. (факсимильное переиздание ВНИИЦлесресурс к Двухсотлетию учреждения Лесного департамента России. 1998 год).
4. Сельское хозяйство и лесоводство. – СПб., 1870.

5. Шафранов Н. Заметки о лесной торговле Франции с Россией // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1868. – Июль.
6. Шилов Д. Предложения г. Данилевского о мерах обеспечения народного продовольствия на крайнем севере России: его взгляд на леса Архангельской губернии и меры, которые предполагается провести на счёт этих лесов // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1869. – Октябрь.
7. Правительственный вестник. – СПб., 1869. – № 125 от 12 (24) июня.
8. Правительственный вестник. – СПб., 1870. – № 151 от 15(27) июля.
9. Отчёт о деятельности Министерства Государственных Имуществ с 1862 по 1872 год, предоставленный Государю Императору генерал-адъютантом Зелёным. – СПб., 1872.
10. Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства Государственных Имуществ. 1837-1887. – СПб., 1888.
11. Тараканов К.Г. Кратчайший торговый путь. Губернатор А.П. Энгельгардт о "Волго-Двинской железной дороге" (1893 – 1895 гг.) // Сайт Котласского историко-просветительского общественного движения «Северное Трехречье». URL: <http://severnoe-trehrechie.ru/кратчайший-торговый-путь-губернатор> (дата обращения: 30.07.2015).
12. Солоневич И.Л. Народная демократия. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.

[1] Лесная дача или просто дача – юридически оформленная и обмежёванная органами государственного межевания лесная территория, для которой составлялся план ведения лесного хозяйства, начиная с лесоустроительной инструкции 1845 г.

[2] Ямная смола – добывается перегонкой смолистых дров в ямах. Печная смола получается перегонкой смолистых дров в печах – «мазанках».

[3] Фаутное дерево (англ. faut – дефект), дерево с наличием пороков ствола (фаутов).

[4] Владенная запись – акт, выдаваемый каждому обществу государственных крестьян и бывших колонистов на владение отведёнными ему землями и угодьями.

[5] Урочище – участок, отличный от окружающей местности, например, болото, лесной массив.

[6] С 60-х годов XIX век российское правительство стало активно привлекать для заселения Мурман норвежцев и финнов. Обстоятельство, что власти для освоения полуострова сделали ставку исключительно на иностранцев, вызвало ряд проблем. Прежде всего, начались конфликты между колонистами-иностранцами и русскими промышленниками. С поморов даже брали письменные обязательства не притеснять норвежских поселенцев. Колонисты жаловались на русских рыбопромышленников, которые не держали на привязи своих собак, причиняя вред хозяйству и пугая скот.

Результаты освоения Мурман оказались совсем не те, которых ожидали. Предполагалось с помощью состоятельных норвежцев и финнов заселить этот суровый край, подняв его культурный и материальный уровень. Но русско-норвежской колонизации, в ходе которой поморы перенимали бы передовой опыт норвежцев, не получилось. На самом деле существовали два потока заселения – православный и протестантский. Русские и норвежские колонии жили изолированно друг от друга. Но российские власти делали ставку как раз на совместную деятельность, в ходе которой поморы смогли бы перенимать передовой опыт северных соседей. Это касалось, прежде всего, техники промысла. В 1857 г. Данилевский во время своего пребывания на Мурмане организовал своему бывшему кормилицу колонисту Суллю денежное пособие для организации ловли акул с тем, однако, условием, чтобы одновременно Суль приучал к этому занятию и самих русских.

С 80-х годов XIX века в российской политике в отношении норвежцев начался крутой перелом. Выразителем его считается архангельский губернатор Николай Баранов, проводивший жёсткую линию по отношению к норвежцам и подчёркивавший суверенитет России над Мурманом. Уже в 1871 г. губернатор сообщал министру внутренних дел, что «колонисты-норвежцы – самый дурной и вредный элемент местной колонизации».

Норвежцы фактически считали себя по-прежнему подданными Норвегии. Бывало часто, что они просто возвращались на родину, не поставив в известность русские власти. Положение осложнялось тем, что у Мурманских берегов тысячи промышленников из Норвегии вели браконьерский лов рыбы, принимая помощь от своих собратьев-колонистов. Прочное мнение о пагубном влиянии норвежцев сложилось в местной печати к концу XIX – началу XX века. Особенно много нареканий сыпалось на торговлю норвежским ромом. Колонисты имели льготу свободной торговли спиртными напитками, чем воспользовались предприимчивые, но не совсем честные норвежцы, в огромных количествах свозя на Мурман ром. Этот «напиток», запрещённый из-за вредности к продаже в самой Норвегии, правительство королевства освободило от пошлин при вывозе в соседнюю Россию. Основные потребители недоброкачественного напитка – русские промышленники не только пропивали все свои заработки, но и брали спиртное в кредит. Пьянство достигло таких размеров, что об этом слагали стихи. (Пересадило Р.В. Русско-норвежские отношения в материалах Государственного архива Архангельской области // Русский Север в документах архива. – Архангельск, 1998. – С. 72 – 89).

Оставьте первый комментарий!

B *I* U   [+]

0 КОММЕНТАРИЕВ